

Опочинин Евгений Николаевич

На родной земле

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич О.**
На родной земле / Опочинин Евгений Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
380 с.

ISBN 978-5-521-26374-5

ISBN 978-5-521-26374-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ ЗАСТѢНКѢ И ВЪ СКИТУ

(Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ).

На Русь былъ и была,
Только быльемъ давно поросла...
(Мей).

I.

Зима 1691 года отличалась небывалыми холодами. По крайней мѣрѣ, даже древніе старики въ Пошехонской округѣ не могли вспомнить на своемъ вѣку такихъ морозовъ, какіе ударили въ томъ году въ срединѣ декабря: у людей, при выходѣ изъ теплой избы на улицу, захватывало дыханіе, птицы мерзли на лету. Одни волки шатались по задворкамъ и таскали сторожевыхъ собакъ. Еще раньше выпали глубокіе снѣга. Немудрено, поэтому, что деревня Станокъ, пріютившаяся среди темнаго лѣса, на пологомъ пригоркѣ праваго берега рѣки Нахты, казалась издали двумя рядами бѣлыхъ холмовъ: она вся утонула въ снѣгу, какъ и усадьба стольника Леонтія Романовича Осорьина, стоявшая на другой сторонѣ. На ея соломенныхъ и гонтовыхъ кровляхъ также висятъ цѣлыя сугробы, и даже боярскія палаты по окна утонули въ снѣгу. Всюду мертвая тишь и безлюдье. Деревня словно вымерла. Только рано утромъ, да когда совсѣмъ свечерѣетъ, замѣтно, что здѣсь живутъ люди: утромъ — изъ длинныхъ долбленыхъ трубъ поднимаются къ

небу столбы дыма, около дворовъ и колодцевъ копошатся бабы, а вечеромъ оконницы избъ, какъ волчьи глаза, замигаютъ огнями. Улицы деревни замечены недавней метелью, даже отъ дороги остался чуть замѣтный слѣдъ въ видѣ двухъ приподнятыхъ краевъ полозницы. Да и ѣзды черезъ Станокъ бываетъ немного: проселокъ небожкій,—развѣ мужикъ соберется кое-когда за дровами, да бояринъ проѣдетъ въ ближній монастырь къ обѣднѣ. Изъ чужаковъ же сюда зимой не заѣдетъ никто. Глушь и безлюдье кругомъ: куда ни погляди, безконечнымъ плѣсомъ тянется лѣсъ. Онъ идетъ, не перемежаясь, до самой Шексны. Тамъ уже мѣста полудиѣ; деревни и погосты попадаютъ чаще, а дальше, на другой сторонѣ рѣки, опять пойдутъ сосновые боры, густые, непроѣздные. Съ Шексны есть дорога въ Станокъ, по „зимникъ“, идущій въ сторонѣ отъ нея, напрямикъ, замело, какъ и деревенскую улицу, на которой только по окраинамъ, около избъ, видны тропки съ глубоко продавленными ступнями мужицкихъ курпанъ ¹⁾, да нѣсколько лыжницъ по направленію къ лѣсу, гдѣ ставятъ капкалы. Усадьба стольника Осорьина, стоявшая противъ его же деревни, на другомъ берегу, была похожа на всѣ великорусскія помѣстья XVII вѣка. Только будто построена она крѣпче другихъ,—изъ вѣковыхъ сосенъ заповѣднаго бора. Не любилъ кое-какъ дѣлать Леонтій Романовичъ. Надумавъ поселиться въ дальней Пошехонской вотчинѣ, онъ пріѣхалъ самъ строить усадьбу, нарядилъ лѣсорубовъ и плотниковъ, осматривалъ каждое дерево въ заповѣдной, прежде чѣмъ признать его годнымъ въ постройку, и, говорятъ, будто изъ ста отборныхъ боровыхъ сосенъ выбиралъ только одну. Зато и стройка вышла на славу. Прямые, какъ струна, бревна въ два обхвата толщины простоятъ дольше камня

1) Веревочная плетеная обувь въ родѣ лаптей.

и съ теченіемъ времени будутъ только краснѣть да становиться крѣпче, такъ что и топоръ не возьметъ.

Усадьба невелика: на неширокомъ четырехугольномъ дворѣ, обнесенномъ плотною изгородью изъ сосноваго, на- остро затесаннаго съ концовъ вершинника, стоятъ боярскіе хоромы — въ три большія избы подъ одной кровлей, соединенныя теплыми сѣнями. Неподалеку, саженьхъ въ десяти, на лѣвой сторонѣ двора — поварня, а немного дальше—двѣ поземныя людскія избы; противъ нихъ—ко- нюшенный дворъ, съ сушиломъ на верху, и изба для ко- нюховъ. Почти рядомъ съ дворомъ вотчинника стоитъ одно изъ главныхъ хозяйственныхъ строеній—огороженный вы- сокимъ тыномъ, съ обостренными верхами, житный дворъ, крытый въ два ската. Въ сторонѣ, налѣво отъ хоромъ, пріютилась у самой изгороди малая бревенчатая банька, а дальше, прямо за изгородью, начинается лѣсъ. Сада нѣтъ совсѣмъ, — только по бокамъ хоромъ стоятъ съ каждой стороны по двѣ широкихъ бакуристыхъ сосны, оставлен- ныхъ при расчисткѣ мѣста для постройки усадьбы. Всѣ службы крыты соломой. Только хоромы, срубленные изъ тесаныхъ бревенъ, покрыты гонтомъ и обнесены „въ кругъ“ точеными перилами. На правомъ углу — горница съ осо- быми сѣнями, надъ которой устроена вышка съ красиво расписаннымъ „прапоромъ“. Окна — широкія, съ мелкими переплетами, слюдяныя. Никакой роскоши, никакихъ затѣй и чужеземныхъ новинокъ не замѣтно. Домъ даже не об- шить тесомъ: онъ внушительно выставляетъ на-показъ свои толстые, прямые какъ струна, брусья. Кругомъ него нѣтъ ни „гульбищъ“, какъ водилось тогда у богатыхъ лю- дей, ни узорныхъ подзоровъ. Лишь подъ двумя волоковыми окошками коньки украшены затѣйливо вырѣзанными фи- гурами баснословныхъ птицъ, да на створчатыхъ ставняхъ написаны захожимъ иконописцемъ орлы, олени и цвѣты.

Всѣ постройки хотя и не роскошны наружнымъ убранствомъ, но зато крѣпки и надежны. Внѣ усадебной ограды, направо, расположенъ большой скотный дворъ, а ниже, на самомъ берегу, видна рига съ навѣсомъ и неподалеку отъ нея мельница, около которой, несмотря на жестокіе морозы, чернѣетъ незамерзающая глубь.

Былъ вечеръ 22-го декабря 1691 года. Морозъ, нѣсколько смягчившійся было за день, снова крѣпчалъ. На улицѣ деревни, какъ и въ усадьбѣ, не видно было ни души: все живое попряталось по избамъ. Становилось темно. Въ четырехъ среднихъ окнахъ хоромъ уже свѣтился огонь, какъ бы перемигиваясь съ мерцающимъ свѣтомъ за рѣкой, въ маленькихъ окошкахъ деревни. Въ хоромахъ, изъ полутемной передней, гдѣ, сидя на сундукѣ, дремлетъ челядинецъ, открыта дверь въ просторную горницу, которой убранство стѣтъ того, чтобы на немъ остановиться.

Здѣсь уже нѣтъ того суроваго отпечатка, какой лежитъ на наружной отдѣлкѣ дома. Напротивъ, тутъ, видимо, сдѣлано все, чтобы какъ можно лучше устроить жилье, сдѣлать его красивымъ и удобнымъ. Кругомъ горницы идутъ лавки, крытыя шитыми въ шахматъ, изъ алаго и желтаго сукна, полавочниками; въ углу, направо отъ входа, фигурная изразчатая печь съ лежанкою. На изразцахъ изображенія птицъ, животныхъ и надписи; налѣво отъ печи—высокій, весь рѣзной, нѣмецкаго дѣла, шкафъ. Стѣны, поверхъ теса, обиты полотнами, на которыхъ слѣва писаны травы живописныя, а направо—священные изображенія: царь Давидъ и пророки. Дальше, на третьей стѣнѣ—царь Константинъ и царица Елена, а на четвертой—Соломонъ и „пришествіе Савекія царицы“. Подволока или потолокъ, также писана по полотну: здѣсь „солнце небесное съ зо-

діями и съ планетами“. Двѣ двери, изъ-которыхъ одна ведетъ въ переднюю, а другая, въ правой стѣнѣ, въ слѣдующую горницу, — обшиты краснымъ сукномъ, поверхъ котораго видны длинныя рѣзныя петли изъ луженаго желѣза. Скобы у дверей, также луженыя, украшены фигурными рѣпьями. Въ двухъ мѣстахъ, между оконъ, стоятъ объемистыя съ полого-круглыми крышками, укладки, обитыя прорѣзнымъ желѣзомъ. На полу—ковры и медвѣжьи шкуры. Въ переднемъ углу—золоченая кіота, съ иконами, предъ которыми горитъ филигранная лампада; а по сторонамъ—двѣ небольшія полочки съ священными книгами и особо поставленнымъ евангеліемъ, поволоченнымъ червчатымъ бархатомъ, съ серебряною сквозною рѣзбой на лицевой доскѣ. Въ комнатѣ четыре окна съ клинчатыми окончиками, въ которыя глядитъ темная ночь.

Въ переднемъ углу, на лавкѣ, за липовымъ столомъ, на которомъ горятъ свѣчи въ двухъ мѣдныхъ шандалахъ, сидитъ Леонтій Романовичъ Осорьинъ. Опустивъ голову на руки, онъ глубоко задумался; окладистая, съ просѣдью, борода его почти касается стола. На видъ онъ еще не старъ: густые, только кое-гдѣ съ бѣлыми прядями волосы, свѣжее лицо и каріе, свѣтящіеся глаза—позволяютъ дать ему не больше пятидесяти лѣтъ, но, въ дѣйствительности, ему уже за семьдесятъ, и сынъ его, Юрій, сидящій на далекомъ воеводствѣ, давно вышелъ изъ молодыхъ.

Жарко въ натопленной горницѣ, — трубу только что закрыли. Леонтій Романовичъ, недавно вернувшись изъ Никольскаго монастыря, отъ игумена, расположился подомашнему: вмѣсто обычнаго бѣличьяго кафтана, надѣлъ легкій атласный и тяжелые катаные сапоги смѣнилъ сафьянными.

Тихо въ боярскомъ покоѣ; только изъ передней слышится легкое похрапыванье челядинца, да со двора время отъ времени доносится хриплый лай сторожеваго пса. Ти-

шина и тепло, и легкое потрескиванье свѣчей, — все располагаетъ къ дремотѣ. Но не дремлетъ Леонтій Романовичъ: въ глазахъ его отражается тревожная дума... Вотъ, какъ бы очнувшись, онъ всталъ изъ-за стола и ударилъ въ ладоши. Въ передней послышалась сначала легкая возня, затѣмъ появился человекъ съ широкимъ, скуластымъ лицомъ. Сощутивъ отъ свѣта и безъ того узкіе восточные глаза, онъ наскоро поправилъ съѣхавшую на бокъ тюбетейку и неподвижно остановился передъ бояриномъ.

— Пошли ко мнѣ Мишу, — приказалъ тотъ: — да скажи стремянному и людямъ, чтобъ изготовились къ утру: завтра звѣря пойдемъ выбивать изъ берлоги...

Татаринъ, успѣвшій окончательно проснуться, повернулся было, чтобы итти и исполнить приказъ, но бояринъ остановилъ его новымъ распоряженіемъ:

— Все съ вечера изготовить, — сказалъ онъ: — рогатины пересмотрѣть, крѣпки ли древки. Пожи наточить давно бы надо... А ты все спишь, — только у тебя и дѣла... Ступай!

Челядинецъ ушелъ. Леонтій Романовичъ началъ нетерпѣливо ходить по горницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ сѣней вошелъ человекъ лѣтъ 25, въ послушническомъ черномъ подрясникѣ, перехваченномъ въ таліи кожанымъ поясомъ съ желѣзною пряжкой. Поклонившись боярину, онъ молча остановился у двери.

— Здорово, Миша! — привѣтливо обратился къ нему Леонтій Романовичъ. — Ты, знать, ужъ на покой собрался, да Булушъ тебя потревожилъ. Не посѣтуй: сестъ до тебя челобитье...

— Что изволишь, Леонтій Романовичъ?

— Тебѣ, чай, вѣдомо, — началъ тотъ, — что старецъ Іовъ поворотилъ изъ Москвы и нынѣ ужъ въ обители...

Леонтій Романовичъ нахмурился и, помолчавъ, продолжалъ:

— Вѣсти онъ мнѣ привезъ, да такія, что и вѣрить охоты нѣтъ: рассказываетъ, будто Екимка Колмыкъ объявился въ Москвѣ и подалъ на меня извѣтное письмо въ томъ, что я говорилъ непристойныя слова о великихъ государяхъ... Самъ вѣдаешь,—ничего я не говаривалъ. А онъ на моихъ же бѣглыхъ холопей шлется: на Одынца, на Семку Лихонина да на Любимку Ящера, а пуще всего на сосѣда, лоштомскаго новаго вотчинника—Артемія Толмачева. Тотъ, будто, слышалъ, какъ я говорилъ о великихъ государяхъ: „Голицыныхъ де извели, а теперь и за стариковъ принялись; затѣмъ де и Безобразова схватили, что есть чѣмъ поживиться“... И еще много чего онъ на меня измыслилъ: и воръ-то я, и измѣнникъ... Вспомнилъ, страдникъ, мою хлѣбъ-соль,—съ лихвою отплатилъ!—съ горечью въ голосъ заключилъ свой рассказъ бояринъ и тяжело вздохнулъ.

Вздохнулъ и Миша, но не сказалъ ничего; только худое, блѣдное лицо его еще больше поблѣднѣло, да въ глубокихъ глазахъ засвѣтились слезы.

— Такъ вотъ что, Миша,—снова заговорилъ стольникъ:—надо наскоро, безъ меледы, написать отписку, да кое-кому грамотки на Москву. Не то тамъ и невѣсть что на меня наплетутъ... Артемію не дремлетъ: мало что онъ бѣглыхъ холопей моихъ у себя на Лоштомѣ хоронить, лѣса мои по лѣтамъ жжетъ, и въ забавѣ, и въ дѣлѣ помѣху мнѣ чинить,—онъ и меня въ конецъ извести хочетъ. Это онъ меня обнесъ передъ царями, Екимкинъ извѣтъ его дѣло—помяни мое слово. Онъ его наговорилъ и наслушалъ, онъ и денегъ ему далъ на дорогу. А тотъ-то, страдникъ, обрадовался, забылъ, что я нищаго и убогаго его пріютилъ. И добре бы холопъ былъ или кабальный,—такъ нѣтъ: жилъ по своей волѣ, въ послуживцахъ считался...

— И завсе такъ бывасть, Леонтій Романовичъ,—сказалъ на это Миша. — Не даромъ говорится: не кормя, не

поя, и врага не наживешь. Только ты не печалься, — правда свое возьметъ, Господь не попуститъ.

— Правда! Вѣдома мнѣ эта правда! — горячо возразилъ бояринъ. — Хоть бы Безобразова, — по правдѣ что ли судили? Холопъ бѣглый обнесъ по злобѣ, наговорилъ всего, какъ на меня Екимка, — повѣрили и осудили. Повишился, говорятъ, признался! А какъ тутъ не повиниться въ томъ, чего и въ вѣкъ не дѣлывалъ, какъ учнута тебя подымать на виску да жилы изъ тебя вытягивать! Какъ знать, — можетъ, и меня то же ждетъ, можетъ, и я повинюсь. Кнутъ-то не свой братъ, да и за спиной лѣтъ много...

— Полно, Леонтій Романовичъ, — испуганно заговорилъ Миша: — не бывать этому: Господь милосердный и Никола чудотворецъ защитятъ насъ отъ такой напасти. А ежели бы что и прилучилось, то, прознавъ, еще будетъ время укрыться. Помня твое добро, тебя любой монастырь у себя схоронитъ.

— Вотъ ужъ этому такъ не бывать! — горячо прервалъ Мишу старый стольникъ. — Чтобы я, сорокъ лѣтъ прослуживши царямъ, при концѣ сберегаючи останніе дни, сталъ хорониться, какъ бѣглый холопъ! Ни въ вѣкъ! Пусть возмуть и судятъ! Я послушникомъ никогда не былъ и не буду: самъ приду, коли позовутъ, хоть на плаху... Однако, добро, Миша. Будь что будетъ. Пора и за дѣло, — спокойно проговорилъ Леонтій Романовичъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, за столъ въ переднемъ углу. Послушникъ досталъ съ полицы мѣдную узорную чернильницу и узкій свертокъ бумаги, вынулъ изъ-за пазухи завернутыя въ тряпицу гусяныя перья и также сѣлъ. Скоро въ горницѣ раздавался только неторопливый говоръ стольника, диктовавшаго письма, да въ промежуткахъ скрипъ пера, выводившаго на столбцы, въ искусной рукѣ Миши, ровныя, какъ по линейкамъ, строки, съ вычурными надстрочьями и украшеніями у прописныхъ буквъ.

Когда письма были кончены, принялись за челобитную царямъ, которая начиналась обычнымъ въ то время вступленіемъ:

„Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ—
Іоанну Алексѣевичу, и Петру Алексѣевичу—холопъ вашъ
Левка Осорбинъ челомъ бьетъ“... Напоминая обо всѣхъ
своихъ службахъ и горячо опровергая обвиненія извѣта,
Леонтій Романовичъ, въ заключеніе своей челобитной, про-
силъ царей „смиловаться надъ нимъ и пожаловать его: вѣ-
лѣтъ извѣтчика Екимку Колмыка спросить про все у пытки“.

Была уже поздняя ночь, когда старый стольникъ, надѣвъ
круглыя очки, приложилъ перстнемъ свою печать на пись-
махъ и челобитной. Исполнивъ это дѣло, онъ, видимо, по-
веселѣлъ. Объ Екимкѣ и его извѣтѣ не было больше и
помину. Отдавъ письма Мишѣ и наказавъ ему рано утромъ
послать съ ними гонцомъ старосту Арсенья Нефѣдова, онъ
всталъ съ лавки, потянулся и, вспомнивъ про готовящуюся
охоту, сказалъ:

— Медвѣдя мнѣ полѣсовщики обошли. Охота завтра
поѣхать, старыя кости размять. А то, не ровень часъ,
чтобы опять Толмачевъ съ своими не взялъ: по лыжни-
цамъ, песь, дойдетъ до берлоги, и на зло отниметъ потѣху.

Потомъ, какъ бы спохватившись, Леонтій Романовичъ за-
мѣтилъ:—Грѣшникъ я, Миша, говорю про дѣла да про за-
бавы, а о Богѣ и не вспомню... Давно пора спать, а мы
еще и не помолились!

Въ отвѣтъ на это послушникъ взялъ съ полки у кіоты
часовникъ и, покрестившись истово, началъ читать полу-
нощницу. Голосъ его нервными, звенящими нотами разда-
вался въ тишинѣ. Старый стольникъ усердно молился, и
глубоко въ душу проникали ему слова псалма: „Блажь еси
ты, Господи, и благостыю Твоею научи мя оправданіемъ
Твоимъ“.

II.

На утро, чуть стало свѣтать, Леонтій Романовичъ вышелъ на крыльцо, передъ которымъ уже стояли двѣ конныя подводы: въ пошевняхъ, крытыхъ коврами,—для боярина и въ простыхъ розвальняхъ съ охалкою сѣна—для челядинцевъ, въ числѣ четырехъ человѣкъ ожидавшихся у крыльца. У нихъ на поясахъ висѣли длинные ножи, а у двоихъ, кромѣ того, были въ рукахъ рогатины и топоры. Въ передкѣ пошевней, скорчившись, уже сидѣлъ скуластый Булушъ и держалъ возжи. Легко спустившись по ступенькамъ крыльца, бояринъ усѣлся на ковровое сидѣнье пошевней; одинъ изъ холоповъ вынесъ и положилъ съ нимъ рядомъ пѣмецкую двоествольную флузею, завернутую въ овчину. По слову „трогай“ кони рванулись и, слегка переваливаясь на ходу, понеслись вдоль усадьбы по направленію къ рѣкѣ. Здѣсь дорога круто поворачивала влѣво и шла по самому берегу, между рѣдкихъ пока сосенъ начинавшагося бора. Постепенно сгущаясь, лѣсъ переходилъ въ сплошную темную чащу, дорога въ которой была похожа на коридоръ, замкнутый съ обѣихъ сторонъ, словно стѣнами, рядами могучихъ деревьевъ.

Высокая дуга задѣваетъ время отъ времени за сучья и обсыпаетъ охотниковъ снѣгомъ, мелкою пылью покрывающимъ не только соболью шапку боярина, но и его сѣдѣющія кудри. Но и не думаетъ объ этомъ Леонтій Романовичъ. Онъ лишь встряхивается отъ времени до времени и весело смотритъ впередъ. Бодритъ его морозное утро и ожиданіе удалой потѣхи. Скоро лѣсъ сталъ перемежаться небольшими полянами. Темная зелень сосенъ и елей смѣнилась березовыми порослями и ивнякомъ. Проѣхали еще съ версту, и бояринъ далъ знакъ остановиться. Впереди, едва замѣтный подъ свѣжей порошей, виднѣлся слѣдъ лыжъ.